

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1900.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЕРВЫЙ.



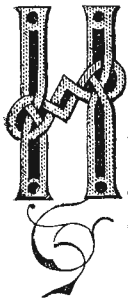
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Вол. Подъяч., 39.

1900.



Въ защиту А. А. Чацкаго.



Извѣстно, какъ громилъ знаменитый Александръ Андреевичъ Чацкій (') господствовавшій въ тогдашнемъ обществѣ «нечистый духъ пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанія», какъ соглашался даже прослыть отъявленнымъ старовѣромъ за свою нелюбовь къ господствовавшей въ то время въ нашемъ обществѣ привязанности ко всему иноземному, какъ желалъ даже хоть у китайцевъ «нѣсколько занять премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ». Извѣстно также, какъ доставалось ему впоследствии отъ нашихъ критиковъ за эти его «ретроградныя» выходки. А между тѣмъ, попадающіеся въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ и въ тогдашней періодической печати факты вполне объясняютъ гнѣвъ Чацкаго.

Не упоминая о раннихъ протестахъ противъ пустой подражательности, достаточно будетъ напомнить только то, что говорили писатели болѣе близкіе ко времени Чацкаго.

Карамзинъ, на примѣръ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія (въ 1792 г.) въ повѣсти своей «Наталья боярская дочь», стараясь пробудить въ своихъ соотечественникахъ любовь ко всему русскому, съ увлеченіемъ восклицалъ: «Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своей походкой, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, т. е. говорили такъ, какъ думали?»—Черезъ десять лѣтъ, въ статьѣ своей: «О случаяхъ и характерахъ въ российской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ», онъ писалъ: «Должно приучить россиянь къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній артиста и сильныхъ дѣйствій искусства на сердце».

(') Въ „Горѣ отъ ума“.

Объ этой же необходимости «приучить россиянь къ уваженію собственнаго» чрезвычайно рѣзко говорилъ и другой тогдашній писатель, графъ Ѳ. В. Растопчинъ.

«Долго ли быть намъ обезьянами?», спрашиваетъ онъ въ одной изъ своихъ статей. «Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: згинь ты, дьявольское навожденіе!» (Соч., изд. Смирдина, стр. 8). По словамъ Растопчина, у французовъ и у воспитанныхъ ими русскихъ франтовъ «всему свое названіе: Богъ помочь—*Вопjour*; отецъ—*monsieur*; старуха мать—*mamam*; холопъ—*mon ami*; Москва—*ridicule*; Россія—*fi donc*».

О тогдашнихъ легкомысленныхъ свѣтскихъ обычаяхъ Богатыревъ остроумно выражается: «Мать есть примѣръ, покровъ и наставникъ для дочери. А дочь благовоспитанная есть лучшее украшеніе матери. Но нынѣ, по несчастію, что нынче дѣлаютъ? притравливаютъ ихъ къ пороку и, теряя свое право, теряютъ и дочерей. Дочь съ матерью, точно какъ съ мадамой¹⁾: обѣ налегкѣ, подъ краской. Дочь мигаетъ, мать моргаетъ; одна танцуетъ, другая вальсируетъ; одна ищетъ женишка, другая пастушка; одна съ ума сходитъ, другая въ себя не приходитъ.—Господи помилуй, да будетъ-ли этому конецъ!» (стр. 127).

Эта остроумная картина тогдашнихъ нравовъ многимъ показалаcя преувеличенною и многихъ рассердила. Между прочимъ, натуральныя дамы (въ другомъ мѣстѣ названныя Кузнецкими, по пристрастію къ Кузнецкому мосту) разгнѣвались за картину моднаго одѣянія. Но Растопчинъ отвѣтилъ на эти упреки: «Меня на вѣку уже много разъ сквозь строй языками гоняли, а загонять не могутъ. Живъ по милости Божіей». А на совѣтъ переимѣниться возразилъ: «Я не червякъ, бабочкой быть не могу; а нынѣ хотя вѣкъ и баснословный, но и самъ чортъ не превратитъ меня изъ русскаго въ иноземца. Ну, что за бѣда? побранятъ да перестанутъ; а я опять за перо».

Что эти рѣзкія выходки тогдашнихъ писателей не были плодомъ пустаго и фальшиваго «патріотичанья», а вызывались дѣйствительными фактами, лучше всего можетъ быть доказано тѣми свѣдѣніями, какія мы находимъ въ тогдашнихъ газетахъ. Мнѣ случилось просматривать разныя газеты за много лѣтъ, съ 1812 по 1836 г. Изъ нихъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, подъ рубрикой: «Отъѣзжающіе за границу», попадаются такія извѣстія:

«Наталья Владиміровна, супруга Дѣйствительнаго Камергера Давыдова, съ двумя малолѣтними дѣтьми, при ней: докторъ Замстагъ съ женою, австрійскіе подданные; англичанка Елизавета Гетнерлей; швейцарцы: Гертруда Реймерсъ, Георгій Бекманъ; русскіе: Марья

¹⁾ Т. е. точно съ гувернанткой, а не съ матерью.

Плетнева, Семень Хлоповъ и Яковъ Смирновъ». (1814, № 35, стр. 882).

«Генераль-маіорша княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Бѣлосельская, съ сыномъ княземъ Александромъ Никитичемъ 7 лѣтъ; при нихъ гувернеръ итальянецъ Барбери, французейка Эмили Негро, кухмистеръ итальянецъ Францъ, художникъ Федоръ Бруни и крѣпостной человекъ Иванъ Артамоновъ». (1819, № 64, стр. 1615).

«Кн. Ник. Серг. Гагаринъ съ супругою кн. Маріей Алексѣвной, съ тремя малолѣтними дѣтьми и воспитанницей англичанкой Генріетой Ивановной Томпсонъ; при нихъ иностранка, уроженка города Люневила, Цецилія Дитіе, докторъ Ганноверскій уроженецъ Адольфъ Мейерштейнъ, нянюшка лифляндская уроженка Марья Вальдштейнъ, камеръ-юнгфера австрійская подданная Христина Ломмеръ, люди: французскій подданный Жанъ Баптистъ Мишель Бовне, Дерптскій мѣщанинъ Андреасъ Вильденштаубъ и крѣпостные: Алексѣй Филоновъ и Мавра Абрамова» (1825, № 34, стр. 1251).

«Въ Германію и Швейцарію д. ст. сов. графиня Елена Алексѣвна Зотова, урожденная княжна Куракина, съ нею дочь ея кн. Нат. Ник. Голицына. При нихъ: дворянка дѣвица Прасковья Карновичева, дворянка дѣвица Авдотья Попова, великобританская подданная Анна Браунъ, французская уроженка Фани Нель, служители: горничная крѣпостная женщина Мавра Федорова съ сыномъ Николаемъ Федоровымъ, вольноотпущенная дѣвушка Александра Кулашева, крѣпостная дѣвушка Наталья Холоднова, крѣпостной человекъ Иванъ Сергѣевъ, австрійскій подданный камердинеръ Левъ Петцы, шведскій уроженецъ лакей Иоганъ Берминъ». (1835, № 67, стр. 3367).

«Въ Германію, Италію и Францію отставной гвардіи поручикъ Иванъ Гавриловичъ Рюминъ съ супругой Олимпіадой Александровной и дѣтьми Гавриломъ и Екатериной, при немъ великобританская подданная Елена Пинкертонъ и французская подданная Елиза Рамюсъ, Саксонскій подданный Ернестъ Рессингъ и крѣпостная дѣвушка Екатерина Иванова». (1836, № 30, стр. 879).

Изъ этихъ примѣровъ, взятыхъ на пространствѣ двадцати лѣтъ, мы видимъ, что изъ 37-ми человекъ, ѣхавшихъ съ нашими барамъ за границу, было 22 иностранца разныхъ національностей: французы, англичане, австрійцы, итальянцы, ганноверцы, саксонцы, шведы, лифляндцы! И все это не случайные участники путешествія, а люди, принадлежащіе къ домашнему штату тогдашнихъ нашихъ баръ: всѣ эти иноземцы занимали въ русскихъ семействахъ различныя должности: домашнихъ докторовъ, гувернеровъ и гувернантокъ, камеръ-юнгферъ, камердинеровъ, лакеевъ, кухмистеровъ.

И это только въ пяти семействахъ, свѣдѣнія о которыхъ сохранились случайно, только по тому, что они ѣхали за границу. Но самая эта случайность служить лучшимъ доказательствомъ обычности и общераспространенности этого печальнаго явленія.

Какъ ни мелки и ни ничтожны, повидимому, приводимые факты, они могутъ служить однако неопровержимымъ фактическимъ поясненіемъ къ тому, что говорила литература и что, безъ такихъ подтверждающихъ примѣровъ, легко можетъ быть принято за голосъ партіи, за голосъ «отсталыхъ сторонниковъ невѣжественной старины».

Возвращаясь къ рубрикѣ «отъѣзжающихъ за границу», должно отмѣтить еще одну любопытную подробность: въ ней отъѣзжающими въ европейскія страны и города показаны лица привилегированныхъ сословій, а въ Иерусалимъ «для поклоненія гробу Господню» — купцы, мѣщане, крестьяне, оставшие солдаты и проч.

Ф. Витбергъ.

